

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры
языкознания, русской филологии, литературного и журналистского
мастерства ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Шульженко Вячеслава Ивановича на диссертацию

Головки Варвары Андреевны по теме: «Русалочки сказки»
А.Н. Толстого: жанрово-стилевое своеобразие в историко-генетическом
аспекте», представленную на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература
(Краснодар, 2021).

Диссертационное исследование Головки Варвары Андреевны направлено на решение актуальной задачи, связанной, с одной стороны, с недостаточно разработанной и представляющей несомненный научный интерес насущной теоретической проблемой, сосредоточенной на генезисе авторской сказки, с другой же, касается прагматики, суть которой в последовательной установке на изучении творчества А. Н. Толстого в вузах по подготовке современных учителей начальной школы.

Представленная диссертация отличается серьезностью избранной автором темы, а также богатством вовлеченным им в работу разнородного научно-теоретического и историко-литературного материала. Более того, не так часто встретишь столь очевидную скрупулезность микроанализа, вызывающую уважение стремлением привести в порядок то, что по каким-то причинам долгое время казалось заведомо незаконченным, когда-то внезапно оставленным без должного внимания. Автор не объясняет, в силу чего сложилась подобная ситуация, хотя думается, весь ход его работы проливает довольно четкий ответ, почему это все-таки произошло в наше время.

Научная новизна представленной работы отмечена не только универсальностью используемой В.А. Головки аналитической парадигмы и полноценным включением в исследовательское поле важнейших элементов поэтической системы, но более глубокой и гораздо более оригинальной, нежели можно было наблюдать у предшественников, репрезентированной ею системой выводов. Особенно это очевидно в характеристике общей поэтики цикла как нечто цельного, единого, рожденного благодаря авторской модели космоса, нашедшей художественную реализацию в удачных жанровых экспериментах А.Н. Толстого, зиждущихся на основе контаминации

различных видов народной сказочной прозы и собственно волшебной и бытовой сказки. При этом соискатель справедливо указывает на достижения современного литературоведения, но, в первую очередь, исследований фольклористов рубежа XX-XXI вв., что позволило осуществить масштабную корректировку методологического аппарата, способствовавшую установлению прежде остававшихся не замеченными художественного своеобразия исследуемых произведений.

Будучи в одной из своих профессиональных ипостасей связанными с практикой преподавания детской литературы в педагогическом вузе, считаем необходимым несколько расширить констатацию актуальности исследования. В данном случае она выглядит вполне адекватной тому положению вещей, которое наблюдается в реальной действительности. Во-первых, детская литература, особенно тот ее контент, который вынесен в программу изучения будущего учителя, крайне нуждается в современном осмыслении и научном описании. Во-вторых, специфика самого цикла «Русалочьи сказки» определяется его прочной связью с многообразными формами русского фольклора, который ныне обретает особую содержательную ценность в иных из ныне популярных среди молодежи видах искусства, в частности, фэнтезийном кино. В-третьих, детская литература Серебряного века все еще находится в положении нелюбимой падчерицы современного литературоведения, хотя в авторской сказке того времени в той или иной мере отразились важнейшие эстетические искания эпохи, в частности, связанные с созданием мифологической картины мира. Кроме того, научные форумы последнего времени в крупных образовательных центрах Европы, например, университет Пулы (Хорватия), свидетельствуют о все нарастающем интересе ученых разных славянских стран к проблеме влияния фольклора и мифологии на художественное мышление крупнейших национальных писателей XX века.

Переходя далее к оценке степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверности и новизне, укажем следующее.

Воссозданное в сказочной прозе А.Н. Толстого мифологическое пространство есть результат трансформации фольклорных мотивов, формирующих, в полном соответствии с не потерявшей свой научной состоятельности мысли А. Н. Веселовского, сюжетику всех входящих в

«Русалочьи сказки» текстов. Каждый из такого рода мотивов («фольклорный субстрат», по В.А. Головки) ассоциируется в нашем представлении с понятием «фабула», становясь связующим звеном между реальностью народной жизни и воссозданной писателем моделью сказочной действительности, со всей входящих в нее совокупностью конструктивных элементов и отношений, смысловых и эстетических функций. В этом покоящемся на солярном мифе пространстве доминирующая роль наряду с солнцем отводится образам таких стихий, как земля и вода; ими же маркируется пограничье «между космосом человека и миром нечистой силы», пронизанное в соответствии с авторскими ценностями поэтикой оптимистического мироощущения.

Создается впечатление, что в случае с А.Н. Толстым «работает» явно не одна из известных стратегий художественной адаптации древних мифов. Здесь очевидно их использование и в качестве «строительных лесов» для новых произведений, и через стирание границ между пространством мифа и пространством реальности, и в попытке переосмысления вплоть до перевоплощения, очень напоминающих метаморфозы. У А.Н. Толстого, что убедительно демонстрирует соискатель в первой главе, «миф получает функцию «языка», «шифров-кода» проясняющего тайный смысл происходящего» (З. Минц). Практически все входящие в цикл «Русалочьих сказок» произведения буквально наделяются «онтологическим бытием» и истинностью, то есть «приравниваются к мифу». Более того, благодаря мифологическим элементам само авторское мифотворчество прирастает функцией повествовательного структурирования и его авторские сказки выступают в роли текстов-мифов, или «мифов о мире», воссоздающим широкую панораму народной жизни. В целом совершенно логичным и аргументированным получается важнейший вывод к первой главе, утверждающий «пограничную» универсальность пространства в сказочной прозе А.Н. Толстого.

Заслугой диссертанта является и тот непреложный факт, что апелляция писателя к фольклору оценивается ею не как довольно популярный прием, присущий модернистским течениям начала XX века, но как диалог и полемика, благодаря чему формируется собственная художественная концепция мира и человека, с присущими им специфическими чертами национального характера.

С содержательно-смысловой точки зрения немалый научный интерес представляют размышления В. А. Головки о пространственно-временных константах художественного видения Толстого. Эти константы воспринимаются писателем в духе идеи вечного возвращения и своим жизнеутверждающим пафосом противостоят ее ницшеанской интерпретации. Причем делает это Толстой не декларативно, не на уровне цитатной полемики, а, как показано в тексте работы, высокохудожественно, используя гротеск, пародию, карнавально-сказочные элементы. Походя достается и отечественным адептам символистской эстетики с их упадочными видениями «конца века».

Параллельно диссертант скрупулезно описывает предметно-материальные детали, которые А.Н. Толстой весьма широко использует, творя собственную цельную картину мира, где ни одна вещь, ни одно явление не существуют просто так, а образуют своей взаимозависимостью «вселенную славянского языческого мифа» (С. 66). Однако такая точная детализировка имеет своей целью и воссоздание особого колорита, который придает бытию русской деревни неподражаемый облик, позволяет связать его на более высоком мифологическом уровне с вечным повторением солнечного круговорота. Это дает основание сделать принципиально важный для всей работы вывод о наличии мировоззренческого аспекта в стилистической манере писателя, о его глубоком восприятии фольклорного миропонимания.

Не можем также не отметить, что весьма ценным является наблюдение В.А. Головки уже отмеченном выше мастерстве детали в сказках «третьего» Толстого. В этом смысле он словно совмещает художественный опыт своего великого однофамильца Льва Николаевича и старшего современника А.П. Чехова, демонстрирует умение вписать в текст «необходимую и единственную для концентрации смысла деталь» (С.71)», обретая свое собственное – достойное – место между ними.

Столь же тщательно и подробно обоснованы два других основополагающих для темы диссертации положения, относящиеся к содержанию второй главы. Они касаются жанрового своеобразия созданной А.Н. Толстым авторской сказки, что, как нам убедительно показывает В.А. Головки, является результатом сложного жанрового синтеза, включающего разнородные элементы народной мифологической прозы,

среди которых несказочные рассказы, тяготеющие к быличкам и бывальщинам, легендам и поверьям, гармонично формирующую в литературной сказке столь высоко ценимую классической эстетикой целостность. И это в творчестве А.Н. Толстого достигается благодаря сложным сюжетным контаминациям, соединению мотивов разных типов фольклорных текстов.

В диссертации приведено множество ярких, впечатляющих свойств жанрового новаторства А.Н. Толстого, где качественное разновекторное научное комментирование получили и необыкновенная изобразительная сила, и специфическая для художника «память детства», наполненная фантастическими и сказочными сюжетами, и активная апелляция к тропам «карнавального настроения»: юмору, иронии, гротеску; и даже – обретшее статус авторского приема – «телесно-вещественное» (заставляющее вспомнить о раблезианстве) чувство мира, отмечаемое в свое время и Ф. Степуном, и Ф. Сологубом, и Л. Чуковской, а затем, как нам представляется, гениально заимствованное Юрием Олешой в «Зависти».

Отметим заслугу В.А. Головки в констатации одного из алгоритмов детской литературы, коммуникативно-психологическим источником которого является детское «вранье», природа которого, и здесь трудно не согласиться с молодым ученым, в особом – детском – восхищенном восприятии окружающего мира, в самозабвенном увлечении «пустяками», что, в конечном счете, и придает толстовским сказкам не назидательный, а, главным образом, развлекательный характер. Дискурсивный же признак такого алгоритма – равенство автора и персонажа, нашедшее свое отражение в совпадении их точек зрения, выстроенного, подчеркивает диссертант, на невозможности различить, во-первых, важное и второстепенное и, во-вторых, абстрактное и конкретное.

Наряду с мастерски «выточенными» (В.А. Головки) диалогами, раскрытием внутреннего мира персонажей в авторских сказках, доказывает соискатель, А.Н. Толстому свойственно и частое обращение к такому неординарному виду повествования, как сказ. Соискатель справедливо подчеркивает, что владение сказовым жанром предполагает прекрасное знание разговорной речи, умение передать рассказ посредством бытовой народной лексики, в точном соответствии с синтаксическим и интонационным своеобразием живого языка. М.М. Бахтин считал, что «в

большинстве случаев сказ вводится ради чужого голоса, социально определенного, приносящего с собой ряд точек зрения и оценок, создающих ситуацию полного доверия». Кроме того, сама форма сказового монолога способствует в произведениях А.Н. Толстого более полному раскрытию психологических нюансов переживаний персонажей. Только добавим к этому, что сказовый эксперимент художника весьма релевантно возникшему в 20-х годах интересу к нему русских формалистов, Б.М.Эйхенбаума, прежде всего, увидевшего в сказе апологетику «живого слова».

Третья глава отдана демонологии, которая будучи важнейшей частью поэтического своеобразия «Русалочьих сказок», признается соискателем одной из центральных тем диссертации. В.А. Головкино значительно раздвигает рамки проблемы, не ограничиваясь вниманием только лишь к фольклорным интерпретациям нечистой силы. Поэтому она дифференцирует известную когорту демонических персонажей на три группы, исходя из собственного видения сути и роли каждого из них, наделяя каждый образ чертами, отсутствующими в классической семантике инвариантов. Более того, этот собирательный образ потусторонних сил лишен бытующей однозначной этической категоричности, по-настоящему амбивалентен, сказал бы М.М. Бахтин. Так, в сказках, обращает внимание диссертант, леший нередко наделяется гуманными свойствами характера, а вот домовый – покровитель дома и скотины, наоборот, приписан к стану злых сил, ибо он предстает дворовым, мучителем домашних животных, совмещающим в себе жестокость и мстительность.

В этой же главе особой научной ценностью, на наш взгляд, обладает та ее часть, которая связана с исследованием образа русалки – одного из самого притягательного и загадочного для русского фольклорно-сказочного видения. А.Н. Толстого он однозначно интересовал на протяжении десяти лет, начиная с одноименной сказки и заканчивая рассказом «На рыбной ловле». Русалку следовало бы назвать «фирменным», «коронным» персонажем Толстого. Не случайно, «русалочьим» назван и цикл сказок, ставший материалом диссертации. Собственно, сам посвященный русалке фрагмент текста мы считаем одним из главных достоинств данной работы, имеющим все основания быть репрезентованным отдельной статьей в будущей энциклопедии демонологии. Проявляя себя вполне состоявшимся

аналитиком, В.А. Головки талантливо препарирует образ русалки автором сказок. Искусно им манипулируя в деталях и частностях, делает вывод соискатель, лишая одновременно всяческого магического ореола и романтического флера, писатель тем не менее оставляет ее суть неизменной, адекватной хтоническому персонажу в единственном статусе - существа-убийцы.

Очень весомыми именно с точки зрения историко-литературных отношений имеют два последних из выносимых на защиту положений, смысл которых глубоко и тщательно раскрыт в четвертой главе диссертации, посвященной масштабному сопоставлению поэтики сказочных произведений А.Н. Толстого и А.М. Ремизова. Прежде это свойство имело статус «общего места», но не становилось предметом столь пристального и детального сопоставления, как в работе В.А. Головки. Соискатель, на наш взгляд, проявил немалый талант и целеустремленность, собирая убедительную доказательную атрибуцию об особом рода взаимосвязи поэтических систем этих двух крупных художников. Возникшие поначалу у нас сомнения в логико-смысловой непреложности этого фрагмента и в без того достаточно целостной и стройной структуре диссертации после более глубокого погружения в исследовательские (и, по-хорошему, честолюбивые) интенции соискателя трансформировались в убеждение о его обязательном присутствии в ней. Значимость этой части работы заключается в пролонгированной аргументации особой игровой поэтики обоих писателей, воссоздавших народную картину мира не в карнавальной парадигме, а посредством поэтических образов авторской сказки, где зачастую в ином свете предстают иные из фигур упомянутой выше нечистой силы, иронические интонации текста, особенности прозаической ритмики и др.

Другое достоинство данной главы и особая ценность сделанного в связи с этим диссертантом вывода-положения о наличии полярных творческих принципов, казалось бы, «смотрящих в одну сторону» писателей. Они касаются радикально отличающихся у А.Н. Толстого в сравнении с А.М. Ремизовым жизнеутверждающих «переработок» солярных и календарных мифов, «инового» видения мира и человека, ставшего у более молодого в этом тандеме автора результатом собственной реконструкции демонологии и отказа воспринимать путешествие «по-ремизовски», с единственным – апокалиптическим – вектором.

Нельзя не напомнить в связи с этим и о чисто пропедевтическом аспекте: творчество этих двух писателей изучается в курсе «Детской литературы на втором курсе педагогических вузов в одной теме - «Литературные сказки и детская проза начала XX века»; представленных в основном произведениями писателей-эмигрантов. Таким образом, сопоставление в историко-литературном плане А.М. Ремизова и А.Н. Толстого имеет серьезную идейно-эстетическую подоплеку, способствует установлению у студентов более объективного представления о своеобразии литературного развития первой трети двадцатого столетия.

Именно с этого утверждения следует начать разговор о *значимости для науки и практики полученных В. А. Головки результатов диссертационного исследования*. Во-первых, эта концентрация внимания на «мифогенности» авторской сказки А. Н. Толстого не только в подробном описании связи «миф — текст», а в возможности для преподавателя детской литературы в педагогическом вузе, в общеобразовательной программе которого отсутствует полноценный курс истории русской литературы, глубже передать студентам сам феномен художественности Серебряного века, выстроенной в немалой степени на культурном потенциале мифа (имеются в виду тексты русского символизма и отчасти акмеизма). Во-вторых, благодаря работе В.А. Головки выше упомянутые студенты смогут лучше понять природу самого текстопорождающего пространства замешанной на фольклорных основаниях авторской сказки и расширить посредством погружения в толстовский бестиарий их представления о зооморфном компоненте в фигуре нарратора. В-третьих, крайне важны в современной культурной ситуации тогдашние попытки не только А.Н. Толстого, но и некоторых модернистов опираться именно на *отталкивание* от традиций, что становится не чуждым и художником уже в XXI веке. В-четвертых, предпринятый В.А. Головки анализ показывает, что некоторые характерные для А.Н. Толстого творческие принципы присутствовали уже в самых ранних его текстах, что крайне важно для понимания его дальнейшей художественной эволюции.

С данных позиций диссертация В.А. Головки представляется важной и чрезвычайно своевременной, так как автор концентрирует внимание на вопросах, представляющих немалый интерес как для преподавателей педагогических вузов, так и собственно для учителей-русистов, прежде

всего, начальной школы, испытывающих методолого-методический дефицит материалов, посвященных литературно-художественному контенту именно этого периода истории детской литературы.

Что касается замечаний, то их немного и они не носят принципиального характера, не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования, его теоретической и практической значимости и могли бы быть учтены в дальнейшей научной работе в избранном направлении.

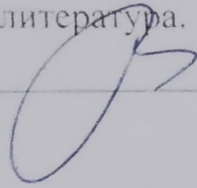
Так, думается, в работе следовало бы оговорить, что расцвет жанра авторской сказки в русской литературе во многом был предопределен романтизмом, в возросшем в нем интересе ко всему национально-историческому, спровоцировавшему в свою очередь собирание и освоение фольклора. Во много именно это обстоятельство определило выбор А.Н. Толстого, собственным творчеством продемонстрировавшим воздействие народной сказки на сказку литературную, отказавшись при этом «от простого подражания народной фантазии, и создав произведения, не уступающие в совершенстве фольклору» (И.П. Арзамасцева).

В том фрагменте диссертации, где анализируются предметы народной материальной культуры, играющие роль не только колорита и сюжетного обрамления, но и неиссякаемого источника концептов и ситуаций, следовало бы обратиться к исследованиям Д.С. Лихачева о «конкретизирующем искусстве», идущего от абстрактного к конкретному, берущему условность, чтобы ее разрушить, связать с бытом, наделить обычными человеческими чертами. И еще, на наш взгляд, в рассуждениях о демонологии показалось нужным хотя бы упомянуть о важности находок А.Н. Толстого для таких современных писателей, как братья Стругацкие, Кир Булычев, В. Орлов - автор знаменитого «Альтиста Данилова» и др.

Подводя итог, констатируем, что диссертация Головки В.А. является завершённой научно-квалификационной работой, представляющей немалый интерес для современного литературоведения, для жанрового своеобразия изучаемой и взрослыми, и детьми литературы.

Опубликованные соискателем девять научных работ, в том числе три статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, и две, индексированные в международных базах цитирования, свидетельствуют о достойном уровне апробации результатов исследования.

Считаем, что диссертация Головки Варвары Андреевны «"Русалочки сказки" А.Н. Толстого: жанрово-стилевое своеобразие в историко-генетическом аспекте» по своей актуальности, теоретической и практической значимости, научной новизне соответствует требованиям п.п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.13 г. (в ред. от 01.10.2018 г.), а её автор, Головка Варвара Андреевна, заслуживает присуждения учёной степени кандидата педагогических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

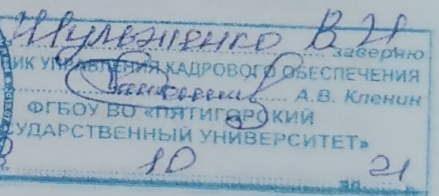
Шульженко Вячеслав Иванович доктор филологических наук, профессор (10.01.01 – Русская литература), профессор кафедры языкознания, русской филологии, литературно и журналистского мастерства ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
28.10.2021 г.

Кафедра языкознания, русской филологии, литературно и журналистского мастерства ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

357 500, Ставропольский край,
г. Пятигорск, проспект Калинина, 9
тел. 8 879 3 400347; 8 926 314 9401

e-mail: slawick.shulzenko@yandex.ru

сайт: ud@pgu.ru

С отзывом ознакомлена
Головка Варвара Андреевна
29.10.2021 г.